

ЕВГЕНИЯ
КРЕТОВА

СОЛЬ.
АЛЬТЕРАТЫ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
К79

Кретьова, Е.

К79 Соль. Альтераты / Е. Кретьова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 284 с.

Мистический триллер на экстремальной глубине.

Начинающая рок-певица Анна Скворцова мечтает о большой сцене. Неожиданное приглашение на шоу талантов «Активация» заставляет ее пойти на сделку с отцом-известным археологом и взять у него деньги в долг. Их придется отрабатывать — отец настаивает на участии дочери с археологической экспедиции. С первого дня в лагере археологов с Анной начинают происходить необъяснимые события — видения, голоса на неизвестном языке, прежние тревожные сны становятся реальностью, жуткой и пугающей. Анне и ее новому знакомому, дайверу Тиму Торопову, придется столкнуться с проклятием тысячелетней давности, совершенным сотни лет назад преступлением и узнать, как оно с ними связано.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91420-3

© Евгения Кретьова, текст, 2021
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ПРОЛОГ

В душной темноте трюма пахло прогорклым маслом и сыromятной кожей. Круглобокие тюки были закреплены в углу у стены. Они покачивались вместе с кораблём. Рядом через проход стояли мешки с солью. Предштормовые волны бились о борт, нашёптывая проклятия.

Металлический стук отпирающегося засова, узкая полоска жёлтого света, шорох крадущихся к лестнице шагов. Угловатая тень в нерешительности замерла на верхней ступени, будто прислушиваясь. И в следующее мгновение стекла вниз, послушно следуя за слабым огоньком свечи. Тусклый свет метнулся к низкому потолку, выхватив из темноты высокую женскую фигуру, одетую по-мужски в льняную рубаху до колен и узкие кожаные штаны, заправленные в сапоги. Свободные концы сплетённого похожего на змею пояса повторяли очертания округлых бёдер. Светлые, цвета липового мёда, волосы были увиты в тугую косу. На лице незнакомки играла странная улыбка: затейливая смесь любопытства, торжества и злорадства.

Рука с узким запястьем, защищённом тиснёными зарукавьями, украшенными серебряными бляхами с изображением лубочного солнца, потянулась к замызганному до черноты пологу. Отодвинув край, женщина усмехнулась: там, в чёрной мгле, в тесной клетке из занозливых досок,

скрючившись, сидел её враг, закованный так, что едва мог двигаться.

Женщина втянула носом спёртый воздух, медленно шагнула к клетке.

— Разбудила? — она внимательно и с нескрываемым удовольствием рассматривала иссиня-чёрные кровоподтёки на тонких запястьях. Враг шевельнулся, подобрал под себя ноги, спрятал руки под грубую накидку. — А и то верно, выпшишься ещё, — и добавила мечтательно: — Скоро Константинополь...

Человек в клетке никак не отреагировал. Её это позабавило.

— Кариотис небось заждался... Ещё бы, такой товар! Как думаешь, тебя сразу продадут или ещё подержат в подвалах с крысами? — она сделала один осторожный шаг, приблизив мутный кружок света к клетке. Но подойти ближе не рискнула, так и осталась стоять, держа в одной руке край просаленного полога, а в другой — подсвечник с огарком тусклой свечи.

В полутьме мелькнула серебристая прядь волос, белая кожа.

— Нет, тебе не такая благодать уготована, — мстительно прошипела женщина и наклонилась к своему врагу так, чтобы ни единое слово не ускользнуло, чтобы каждое впечаталось в сознание пленника. — Знаешь, Кариотис ведь — не торговец рабами, его товар — тончайшая кожа. Вначале её вымачивают в солёной воде, ещё на хозяйке, а потом аккуратно вырезают нужные куски и снимают. И чем белее кожа, тем больше Кариотис за неё получит... На твоей он обогатится... — Светловолосая зло прошипела: — Ты можешь гордиться, ведьма, на ней напишут оды императору Константину. А смерть твоя развлечет Михаила Пафлагона с Зоей Порфирородной.

В проходе мелькнул красно-оранжевый отблеск и бесшумно упал между мешками.

— Воды. Дай воды, — прошелестел голос из-под покрывала.

Женщина зло расхохоталась.

— Это вряд ли! Я распорядилась, чтобы ни единая капля не коснулась тебя. И воды ты не увидишь до самой своей смерти, скорой и мучительной. А я буду её свидетелем.

Она круто развернулась и выскользнула из закутка, оставив врага умирать от жажды. Ей в спину с укором смотрели тёмно-синие глаза.

Щёлкнул засов, стихли шаги.

Корабль продолжал свой путь, приближаясь с каждой минутой к конечной точке своего путешествия — порту Константинополя.

— Воды... Дайте воды, — беспомощный хрип тонул в затхлой темноте.

Неожиданно за завесой, около тюков с кожей, послышалось движение. Щёлкнуло огниво, яркий огонёк осветил безусое мальчишеское лицо, перебежал на огарок свечи и замер в нерешительности.

Осторожные шаги приблизились к закутку.

— Эй! Есть кто живой? — напряжённый шёпот, замешательство у полога.

Человек под покрывалом пошевелился. Тихо звякнули цепи кандалов. Юноша приблизился к пологу, робко отодвинул край.

— Я Словен, ладьяр младший. С вечера тут прячусь от дядьки мово, да, видать, и заснул... Проснулся, и слышу, будто плачет кто...

Свет был так слаб и неверен, что пришедшему, чтобы хоть что-то разглядеть, пришлось перешагнуть через промасленный полог и придвинуться ближе, подойдя к самой клетке. Грязное, в темно-багровых пятнах, рубище пленника соскользнуло с плеч. Под ним оказалась девушка.

— А, ты? Ты и вправду? Она? — в голосе слышалось опасение и любопытство, а в измазанных смолой руках темнел небольшой ключ с отломанным зубцом и грубым витым кольцом вместо ушка.

Белоснежная даже в почти кромешной мгле кожа девушки искрилась январским снегом, отражая жёлтое пламя свечи, а белые как лунь волосы серебристым шёлком падали на плечи. Тонкие руки зябко тёрли онемевшие в кандалах запястья. Из-под ржавого металла сочилась кровь. Синие глаза разглядывали нежданного гостя.

Он был совсем юн, вряд ли достиг шестнадцати. Многие в его возрасте — уже воины, известные своей храбростью и отвагой. А этот мальчишка, светловолосый, с наивным пушком над верхней губой, явно сбежал из скита. Жизни ещё не видал, а дедовых сказок наслушался.

— Воды, — прошептала пленница потрескавшимися губами и протянула руки узкими ладонями вверх.

Мальчишка растерялся, будто сомневаясь, да тут же сунул найденный ключ за пазуху, засуетился:

— Да сейчас-сейчас, — дрожащими от волнения руками отстегнул от пояса и бросил пленнице кожаный пузырь, — Нам так-то велели к пленнику ни на шаг не подходить. Дядька сказал, что до смерти зашибёт всякого, кто запрет нарушит, — парнишка хмыкнул и наивно улыбнулся: — Но он, наверно, не знает. Думает, небось, какого преступника везём императору византийскому на суд. А ты вон... девчонка... Красивая какая, — вздохнул, любуясь.

Девушка посмотрела тяжело, перевела дыхание. Осторожно, будто взвешивая каждое движение, подняла пузырь с водой и, выдернув пробку, поднесла к пересохшим губам.

Гулко звякнули кандалы.

Глаза пленницы распахнулись. Словен замер, как заколдованный, от лившейся из них пронзительно-холодной си-невы.

Бледный луч отразился в капле, рассыпался греческим огнём по чёрным стенам трюма и заledenел. Стало тихо, будто волны за бортом с опаской прислушивались к происходящему. Пленница медленно перевернула пузырь. Прозрачная жидкость заискрилась, коснувшись плотно сжатых губ. Стекая по заострённому подбородку, груди, растекаясь по телу, рассыпаясь серебряными и золотыми брызгами, окутывала фигуру пленницы в невидимый кокон. И, странное дело, пузырь-то был наполовину пуст, а вода из него всё текла и струилась, будто небесные хляби разверзлись. Воздух наполнился морозной свежестью.

Ржавые кандалы побелели, покрываясь мохнатой коркой инея, дрогнули и опали искрящимся песком.

Юноша нервно сглотнул и отступил на полшага.

— Сварог-отец, царица наша, — ладьяр выпустил мольбу, узнавая пленницу и падая на одно колено перед ней.

Поток из кожного пузыря замедлился, становясь вязким, как смола. Вода превращалась в белые полупрозрачные кристаллы, острыми иглами они нарастали один на другой, заполняя пространство тесного трюма. Ледяная корка расползлась чумной тенью, захватывая все новые и новые предметы. Вот она коснулась занозистых досок клетки, въелась в них, вгрызлась острыми зубьями, рассыпала в труху.

Словен отшатнулся: морозный узор кутал всё вокруг, сковывал серебристо-серыми кандалами, только воздух вокруг него и его восковой свечи золотился живым блеском.

Тихий треск крошащихся досок, и серо-зелёные потоки морской воды с шумом хлынули в трюм, превращаясь под взглядом бывшей пленницы в ледяные колья, сминая дерево, железо и камень, стирая их в пыль, смешивая с морской водой.

Корабль, протяжно вздохнув, накренился. Он ещё цеплялся за жизнь, как и горстка людей, бившихся со стихией

там, на палубе: ладьяр слышал их крики и зов о помощи, но уже знал, что участь всех предрешена.

Ледяные копья живыми змеями врывались в корабельное нутро, вышибали металлические заклёпки, разламывали и с хрустом дробили перекрытия. А в центре этого неистового клубка неподвижно властвовала белоснежная дева, словно начало и конец всего сущего. Синие глаза смотрели в темноту, ослеплённые местью.

— Проклятье шлю на твоё племя, — исступлённо шептали губы.

Проваливаясь в чернильную мглу, ладьяр успел заметить, как разорвалась вокруг пленницы прозрачная ледяная слюда, тонкая и податливая, будто живая. Как тянулись к нему белоснежные руки той, кого он принял по наивности за простую пленницу-рабыню. Видел её спокойное лицо, внимательные синие глаза, полные сожаления, нежности и... тоски.

Её лёгкое прикосновение освободило от боли и принесло удивление, что жизнь оборвалась так скоро и так нелепо.

ГЛАВА 1. «АКТИВАЦИЯ»

Наши дни, конец мая,
Черноморское побережье, район Анапы

ла ее в идиотскую, богом забытую глухомань по идиотской договоренности, которую родители, будто сговорившись, заставили исполнять.

День «икс» настал для нее сразу после майских праздников, когда отец позвонил по сотовому и потребовал приехать к нему в университет. Анна полтора часа тряслась в метро, выбираясь из Южного Бутова, где они со Слайдером сводили новый трек для «Активации». Прочесав под мелкоakraпывающим дождем до величественного здания МГУ, она вбежала внутрь ровно за пятнадцать минут до назначенного отцом часа. Главный вестибюль университета никогда не спал, не знал тишины, искрился смехом и гомоном, как вечно бурлящий ведьмовской котёл.

Если есть студенческая вольница, то она тут, в этих просторных залах и коридорах.

Девушка побежала по лестнице, направо в закуток, словно из прошлого в настоящее: серый кафель и невзрачные двери лифтов. Конечно, можно и пешком. Но шагать по запылённым ступеням прокуренной лестницы — верный способ получить обострение аллергии и посадить связки. Анна приподняла край тонкого баффа, натянула на переносицу, прикрыв нижнюю часть лица, скользнула через распахнувшиеся двери внутрь лифта.

Шестой этаж.

Девушка выскочила, торопливо прошла до углового кабинета с табличкой «Заведующий кафедрой археологии», дёрнула ручку, чтобы убедиться, что заперто.

Успела.

Она выдохнула с облегчением. Вынула из рюкзака бутылочку с водой, сделала несколько жадных глотков и один медленный. Бросила рюкзак на пол, села на него, поджала ноги к подбородку и прикрыла глаза. Бутылка с водой выскользнула из рук, гулко ухнулась об пол.

В коридоре у лифтов послышалось движение: в холле показался Олег Иванович Скворцов. Он несколько постарел

